

Уличные фонари и ночной ветер — самые верные спутники одиночества. Они заставляют боль в груди разрастаться до безумия, заполняя собой всё вокруг.

Ци Хань спустился с третьего этажа, медленно прошёл по тёмной лестнице и вышел в сад. Его шаги были настолько тихими, что не смогли даже включить световые датчики. Одинокая тень тянулась под уличными фонарями — длинная и хрупкая, как призрак, что бродил по этим дорожкам уже много лет, так и не найдя себе дома.

В окне на втором этаже всё ещё горел тусклый свет. Ци Хань не знал, успел ли Фу Гэ прийти в себя после приступа тошноты.

Он нащупал сигарету, прижал её к губам, заслонил огонь ладонью от пронизывающего ветра и чиркнул зажигалкой. Язычок огня дрогнул и погас, а в следующее мгновение из-под обветренных губ медленно потянулись белые клубы дыма.

Альфа криво усмехнулся и глухо пробормотал, будто сам себе:

— Временную метку попросил ты... и тебя же от неё стошнило. Брат, что мне тогда делать, а?

Эти четырнадцать дней кошмара оставили слишком глубокие шрамы. Тело реагировало на прикосновения и метки Ци Ханя чистым ужасом, рефлекторно, как дикий зверёк, что уже раз был пойман в капкан.

Это была не брезгливость, а отчаянное неприятие.

Не ненависть к Ци Ханю — ненависть к самому себе.

Фу Гэ вырвало до боли в горле, но только тогда, когда желудок был уже полностью пуст, его наконец-то отпустило. Он дрожащей рукой нажал на кнопку смыва, тяжело поднялся и посмотрел на своё отражение в зеркале. Влажные глаза блестели с тёплой, почти непристойной дымкой. От этого зрелища его передёрнуло.

Жар вызванный феромонами, это бесстыдное подчинение воле альфы, а особенно тот момент, когда всего лишь пара инъекций выбивали его из колеи, заставляя тянуться к врагу, как последняя безумная шавка в период течки...

Фу Гэ стиснул зубы и медленно поднял руку к горлу. Пальцы сомкнулись на коже, надавили так, что вены проступили под тонкой белой кожей.

Шея была покрыта красной сыпью, особенно в районе затылка. Там отчётливо выделялись три глубоких следа от укусов, один на другом.

Стоило кончикам пальцев задеть эти места, как тело рефлекторно содрогнулось.

Он зажмурился, но воспоминания уже потоком неслись перед глазами.

Как острые клыки прокалывают затылок. Как обжигающие феромоны разливаются по венам. Как горячие руки Ци Ханя прижимают к себе, не давая вырваться. И как мерзко и унижительно было ощущать, как под этим напором его собственное тело жадно сдаётся.

Фу Гэ судорожно втянул воздух и выхватил из кармана тот самый значок с цифровой планетой. Заставил себя уставиться в тёмные спирали в центре, даже когда пальцы так сильно впились в столешницу, что ногти заскрежетали по гладкому мрамору, оставляя тонкие царапины.

Ненависть бурлила внутри, распирала грудную клетку. Половина его нутра желала разорвать Ци Ханя на куски. Другая же — бессильно корчилась в лихорадочном жаре от феромонов, противно предавая и путаясь в собственных чувствах.

Словно кандалы и поцелуи одновременно сковывали тело, лишая кислорода, но в то же время вызывая отвратительное, почти болезненное удовольствие.

Фу Гэ до боли зажмурил глаза, сдавленно всхлипнул, а потом внезапно взревел, как раненый зверь, и со всей силы ударил кулаком в зеркало.

Звон бьющегося стекла разлетелся по ванной, словно сотни осколков. Острые края с сухим хрустом посыпались вниз, раскалываясь на холодном кафеле, как ледяная метель.

Тонкие ручейки крови стекали между пальцами, алые капли сбегали по костяшкам, а жгучая боль хоть немного возвращала разум. Фу Гэ смотрел на себя в осколки зеркала — измученного, разбитого до основания, жалкого. И, скривив губы, сдавленно прошептал:

— Ты... ты такой отвратительный...

Каждую ночь он разваливался на куски, падал в пропасть, а под утро собирал себя обратно, холодный и бесчувственный, как сломанный автомат.

Он молча собрал осколки, промыл и перевязал порезы, залил кровью всю раковину, но лицо его оставалось бесстрастным, словно застывшая маска. Даже когда телефон наконец-то зазвонил и на том конце провода ответили знакомым голосом:

— А?

Маленький бета лениво держал наполовину выкуренную сигарету. Голова откинулась на мягкую спинку дивана, горячий белый дым медленно вытекал из приоткрытых губ.

Сейчас он был похож на обессиленного, измученного призрака, пропитанного никотином и болью. Ничего общего с тем жалким, беспомощным существом, что изображал днём.

— Брат, — тихо выдохнул он, прикрыв глаза. — Начинай. Пора затягивать петлю.

В мире Фу Гэ сон был синонимом кошмара.

Едва три часа глубокого сна, и в каждом из них ему мерещились то мистер Медведь, то Ци Хань, утаскивающий его куда-то на железной цепи.

Два одинаковых тела с разными лицами. В конце концов, эти лица слились в одно, и Фу Гэ в ужасе толкнул его с обрыва.

Когда он очнулся и открыл глаза, первое, что увидел, был... медведь.

Точнее, Винни-Пух.

Высоченный, под два метра, плюшевый медведь с забавным чёрным носом, что пытался протиснуться в комнату через приоткрытое окно.

Это было одновременно и нелепо, и пугающе. Фу Гэ моргнул, подумав, что всё ещё спит.

Но стоило ему снова посмотреть в ту сторону, как медведь продолжал застревать в оконной раме, нелепо болтая короткими лапами.

Огромная плюшевая тушка явно не проходила в проём, и это зрелище было настолько абсурдным, что на мгновение даже кошмарные сны поблекли.

Медведь с какой-то остервенелой решимостью пытался залезть внутрь, придерживая в одной лапе поднос, а другой — собственную гигантскую голову, которая норовила отвалиться.

Ци Хань. Это был чёртов Ци Хань в костюме Винни-Пуха.

Фу Гэ моргнул ещё раз, а потом хмыкнул и, прищурившись, принялся наблюдать за этим цирком.

Ци Хань, явно чертыхаясь под этой плюшевой шкурой, наконец-то сумел влезть внутрь, но, обернувшись, застыл как вкопанный.

Фу Гэ уже сидел на кровати, скрестив руки на груди и с самым язвительным выражением лица, какое только мог изобразить.

Медвежья туша вздрогнула, и поднос в лапах чуть не поехал на пол.

На нём лежала тарелка с горячей картошкой фри.

— Ты... кх... — Фу Гэ поперхнулся, не в силах поверить в происходящее.

Мистер Медведь, неуклюже придерживая на плечах огромную плюшевую голову, застыл в дверях в позе глубочайшего смущения. Уйти назад он уже не мог, войти дальше — тоже. Мохнатые лапы нервно сжимались и разжимались, а потом он, обречённо вздохнув, медленно подошёл к кровати и опустился на одно колено.

— Гэ... — пробормотал он с глухим раскаянием, держа в одной лапе тарелку с картошкой фри, а другой — плюшевую голову, которая всё норовила свалиться. А на гигантском нагруднике для слюны болтался пакетик с кетчупом.

Эта картина была одновременно жалкой и до боли смешной.

Фу Гэ прищурился, явно всё ещё кипя от злости, и раздражённо пнул его мягкую лапу носком:

— И что это значит? Ты меня опять укусить собрался?

— Да нет же! Как я могу... — взмолился Винни-Пух и поспешно замотал головой. Но, видимо, перестарался, потому что голова медведя перекосилась на бок и теперь сидела как-то криво, глядя одним ухом в потолок.

Это выглядело так нелепо, что Фу Гэ на мгновение даже забыл, как дышать.

— Я... я был неправ, — сбивчиво пробормотал Винни-Пух, сжимая и разжимая мягкие лапы. — Мне очень жаль, гэ... Прости меня. В качестве извинения сегодня картошка фри — сколько захочешь!

Фу Гэ: «...»

Единственное, чему он мог радоваться, так это тому, что хотя бы в момент, когда Ци Хань влезал через окно, голова медведя была надета правильно.

— Тебе сколько лет-то? — наконец фыркнул он. — Притворяешься плюшевым медведем, чтобы извиниться?

— Какая разница! Сколько бы мне ни было, я всё равно твой медведь, — буркнул Ци Хань обиженно и принялся тереться огромной головой о его плечо, неуклюже тыкаясь в щёку и явно

не решая, целовать его или боднуть.

Фу Гэ не выдержал и, видимо, впервые за долгое время коротко рассмеялся. Смешок сорвался с губ мягко, почти неуверенно, но он всё же поднял руки и поправил криво сидящую голову Винни-Пуха, ловко дёрнув за болтающиеся ушки.

— Так что, мистер Медведь собирается меня бить? — с издёвкой протянул он.

Это было слишком явным сигналом к примирению, чтобы его не заметить. Ци Хань, поняв намёк, тут же поставил тарелку с картошкой на прикроватную тумбу и, не теряя времени, с радостным рыком кинулся на кровать.

— Бить? Да что ты! Мистер Медведь хочет целовать и обнимать тебя! Можно, а?

Фу Гэ качнулся, перевернулся вместе с ним и, в итоге, беспомощно уткнулся лицом в мягкую пушистую грудь Винни-Пуха, тихо вздохнув:

— Тёплый... — пробормотал он, лениво прикрыв глаза.

— Нравится? Тогда обнимай сколько хочешь, — буркнул Ци Хань, явно довольный.

— Угу... — Фу Гэ медленно кивнул и даже позволил себе чуть потереться щекой о плюшевую грудь. Но через мгновение прищурился и поднял голову:

— Но если ты выпустишь хоть каплю феромонов, я тебя прибью. Мне ещё рано вставать и идти с Бао рисовать.

— Понял, понял! — поспешно отозвался Ци Хань, придерживая огромную медвежью голову одной рукой. — Хотя... гэ к этому мелкому мальчишке теплее, чем ко мне... — протянул он обиженно.

Фу Гэ усмехнулся и мягко шлёпнул его по голове:

— Ты что, ревнуешь к ребёнку?

Ци Хань тоже тихо рассмеялся, чуть виновато отвёл глаза:

— Да нет, что ты... Я просто хотел сказать, что сегодня пригласил фотографа. Если тебе так нравится этот мальчишка, можешь сделать с ним пару снимков.

— Снимки? — Фу Гэ приподнял бровь. — С чего вдруг?

Пальцы Ци Ханя на мгновение замерли, он нервно отвёл взгляд в сторону, будто старательно разглядывал узоры на обоях:

— Да так, ничего особенного... Просто хочу оставить побольше воспоминаний. Чтобы было что пересматривать потом.

Фу Гэ, не заметивший подвоха, беззаботно пожал плечами:

— Ну ладно.

Когда Ци Хань входил, он был Винни-Пухом, а когда уходил — уже человеком. Фу Гэ, заметив, как блеснули его глаза, лениво бросил:

— Мне понравился этот костюм медведя.

— Правда? Тогда оставлю тебе. — Ци Хань, не раздумывая, снял его прямо на месте и аккуратно сложил.

Медвежья голова осталась на столе, костюм аккуратно лежал рядом, а Фу Гэ после душа не спеша доедал картошку. Но перед тем как уйти, он вдруг остановился, повернулся и пристально уставился на плюшевую голову, что смотрела в одну точку пустыми глазами.

Если бы внутри головы была камера, она бы зафиксировала, как через полминуты Фу Гэ прищурился, улыбнулся как-то слишком холодно и лениво пробормотал:

— Мистер Медведь, если будешь так пялиться, я тебе глаза вырежу.

Чем больше приходило в себя его сознание, тем отчётливее Фу Гэ понимал разницу между восемнадцатилетним и двадцатитрёхлетним Ци Ханем. И чем яснее становилась эта разница, тем сильнее расплзалась ненависть, будто гнойная рана.

Едва уловимая жалость к мистеру Медведю тоже медленно, но верно выгорала дотла.

Утренняя фотосессия пошла наперекосяк с самого начала.

Маленький актёр, который должен был участвовать в съёмке, куда-то исчез вместе с родителями, уехав на пленэр. Так что все надежды Ци Ханя на «семейное фото втроём» мгновенно рухнули.

Но это было только начало бед. Не успели сделать и второй снимок, как Фу Гэ вдруг пошатнулся и без сил рухнул на пол.

Дальше начался хаос. Фотографы заметались, больные внизу всполошились, а Ци Хань, побледнев как смерть, подхватил Фу Гэ на руки и рванул наверх.

На полпути его рука, поддерживающая бедро Фу Гэ, вдруг ощутила что-то тёплое и липкое.

Он опустил взгляд. Между ног Фу Гэ струилась кровь, тёмными пятнами пропитывая ткань.

Обследование подтвердило худшие опасения: слизистая была снова разорвана. Раны, которые только начали заживать под воздействием альфа-феромонов, снова воспалились.

Впервые за месяц Фу Гэ снова оказался в реанимации.

— Что, чёрт возьми, происходит?! — голос Ци Ханя срывался, лицо было мертвенно-бледным, на руках всё ещё засохшие пятна крови. — Вы же сказали, что мои феромоны помогут ему выздороветь!

Но лечащий врач Фу Гэ до сих пор не вернулся, так что теперь за всё отвечал тот самый лысеющий доктор.

— Мы обнаружили, что среда внутри организма пациента изменилась, — неуверенно начал он, нервно поправляя очки. — Повреждения действительно начали заживать, но теперь на их месте начались более серьёзные воспалительные процессы. Всё из-за того, что пациент, в конце концов, бета, и его организм не может выдержать такой объём альфа-феромонов.

— Более серьёзные воспаления? — сердце Ци Ханя болезненно сжалось, ладони вспотели, но он выдал из себя: — Дайте мне его новые снимки! Я сам хочу увидеть, что у него внутри!

Доктор едва заметно дёрнулся, быстро закрыл доступ к монитору ладонью и, избегая прямого взгляда, пробормотал:

— Простите, председатель Ци, но снимки ещё не готовы. Очаги воспаления слишком множественные и разбросаны в скрытых участках, так что на их обработку потребуется время.

Ци Хань застыл. На какую-то долю секунды в голове не было ничего, кроме пустоты. Но затем разом вспыхнули десятки подозрений, одно хуже другого. Он медленно, почти деревянно, шевельнул губами и сдавленно переспросил:

— То есть... нет снимков?

Доктор, всё так же не глядя ему в глаза, поправил очки:

— Да, изображения ещё не полностью загружены.

Рядом Чэнь Син вздохнул с таким видом, будто готов был покрасить лысину этого врача прямо сейчас:

— Да что за чушь! Да вы там издеваетесь что ли? Человек уже час без сознания, а у вас даже снимков нет! Да вы там пока копаетесь, он уже сам себя вылечить успеет!

— Да я сейчас сам посмотрю, какого хрена у вас там всё так долго грузится! — взорвался Чэнь Син, вскакивая с места так резко, что стул скрипнул, будто сейчас треснет. Будучи одним из главных акционеров этой чёртовой больницы, он имел полное право проверить эти грёбаные снимки.

— А ну-ка дайте сюда! Я сейчас сам разберусь, какого лешего у вас там всё так тормозит! — прорычал он, уже хватаясь за мышку.

— Чэнь Син! — Ци Хань перехватил его запястье так резко, что кости хрустнули. Дёрнул назад и буквально вдавил обратно в кресло. — Не шуми.

— Да твою же мать... — зашипел Чэнь Син, но под убийственным взглядом Ци Ханя только раздражённо сплюнул и откинулся на спинку.

Ци Хань попытался изобразить улыбку, но лицо было бледным, будто мелом посыпали. Он кивнул доктору и процедил:

— Извините. Переборщили немного.

— Ничего страшного, — натянуто ответил врач, но от этого его лицо не стало менее кирпичным. — Волнение близких — это нормально.

Плечи Ци Ханя немного расслабились, но глаза оставались красными, словно в них налили крови. Голос сорвался почти на шёпот:

— Так что... есть ли какой-то способ его вылечить?

Доктор замялся, пальцы нервно подёргивались к оправе очков.

— Есть один метод, но... это довольно рискованно, — начал он, явно подбирая слова.

— Риск для него или для меня? — резко уточнил Ци Хань.

— Для вас, председатель Ци, — уклончиво ответил доктор. — Родственникам будет это трудно принять...

— Говорите как есть, — отмахнулся Ци Хань нетерпеливо.

Доктор, видимо, не ожидал такой прямоты, но, вздохнув, поправил очки и выпалил:

— Дело в том, что пациент — бета, и его организм не может нормально воспринимать ваши феромоны. Со временем это не только не заживит старые раны, но и вызовет новые воспаления. Поэтому единственный вариант — пересадка железы. Операция, чтобы сделать его омегой.

Брови Ци Ханя дёрнулись, челюсти сжались так, что казалось, вот-вот треснут. Он прикрыл глаза, заранее зная, что услышит дальше:

Но таких желез просто нет.

— Однако, — продолжил доктор, будто на зло, — уже пять лет в стране не было ни одного донора омега-желез. Это вопрос, который вам придётся решить самостоятельно.

Пальцы Ци Ханя вцепились в перила так, что ногти больно впились в ладони. На какое-то мгновение он будто окаменел, а потом, почти механически, прохрипел:

— Понял.

— Ты, блядь, издеваешься?! — заорал Чэнь Син так, что эхо по всему коридору пронеслось. Ногой опрокинул стоящее рядом кресло, и сам чуть не рухнул следом, но вцепился в Ци Ханя как утопающий за спасательный круг.

Он дрожал от злости, глаза чуть ли не слезились от ярости, и голос срывался:

— Да ты хоть представляешь, что они тебе тут предлагают?! Ты совсем ебанулся, что ли?! — Чэнь Син дёрнул его за воротник и, брызжа слюной, прошипел: — Ты что, вообще мозги проебал?!

Ци Хань молча стоял, локтями опираясь на холодные перила. Вдох, выдох.

— Я понимаю.

— Понимаешь и всё равно собираешься согласиться?! — Чэнь Син аж взвизгнул, глаза налились кровью, он почти рычал. — Да ты ёбнулся, окончательно ёбнулся! Ты хоть помнишь

закон, который они в прошлом году приняли?!

Он тыкал пальцем прямо в грудь Ци Ханю, едва не продырявив костюм:

— В прошлом, твою мать, году! Закон, который запрещает торговлю омега-железами! За это расстрел на месте, понял?! Прямо в лобешник, без всяких судов! А твоих детей потом на всю жизнь лишат политических прав! Ты что, совсем, сука, страх потерял?! Хочешь стать тем самым ебаным примером, про который будут в новостях три месяца пиздеть?!

Чэнь Син всё это понимал. Но если уж он понимал, то как, чёрт возьми, мог не понимать это Ци Хань? С того самого момента, как врач произнёс, что «снимков нет», он уже начал подозревать что-то неладное. А когда речь зашла о пересадке железы и операции, пазл окончательно сложился.

Чэнь Син был на грани истерики. Глаза покраснели, пальцы до белых костяшек вцепились в плечи Ци Ханя.

— Брат! Ты мне как родной брат, — прохрипел он, голос дрожал, а вместе с ним дрожали и руки. — Я тебя прошу, не делай этой херни, ладно? Ты вообще понимаешь, что это за жопа будет?!

— Да, ты много сделал для торговой палаты, все это видят, но покупка омега-желез — это, блядь, как наступить на мину! Тебя разорвёт нахрен, даже следов не останется! Стоит только кому-то намекнуть, что ты к этому причастен, и тебя не просто сольют — тебя похоронят так глубоко, что даже черви не доберутся!

Чэнь Син стиснул зубы до скрежета, дрожащие губы разжались, и он едва не захлебнулся собственным голосом:

— Тебе, сука, двадцать три! Двадцать три, мать твою! Брат, у тебя же вся жизнь впереди, какого хрена ты творишь?!

— Все твои усилия — к чёрту, фамилия Ци — к чёрту, ты в грязи утонешь, а твоё имя будет вонять хуже, чем помойка! Да тебя на этот чёртов позорный столб так прочно гвоздями прибьют, что даже через сто лет будут на тебя пальцем тыкать и вспоминать, как ты барыжил железами, — Чэнь Син аж захрипел, хватаясь за лицо. — Да твоего отца, твоего грёбаного отца, учёного, который столько всего сделал, и того оболъют грязью! Ци Хань, прошу тебя, не еби мозги, ладно?!

А Ци Хань только молча смотрел на него, лицо словно высечено из камня.

Он медленно стер кровь с руки, посмотрел на красные разводы, удостоверился, что это всего лишь животная плазма, и вдруг коротко, вымученно хмыкнул:

— Хорошо, хоть не моя.

— Ты чего, блядь, несёшь?! — Чэнь Син выпучился так, будто сейчас его глаза вывалятся.

— Я просто думаю... почему он тогда не взял тот USB-накопитель. — Голос Ци Ханя был тихим, почти безжизненным.

Он же сам лично собрал все улики против себя, сам передал их Фу Гэ. Этого было бы более чем достаточно, чтобы упечь его в тюрьму лет на двадцать или даже сразу на смертный приговор. Но Фу Гэ ни разу даже не намекнул, что собирается воспользоваться этим.

И только сейчас Ци Хань понял: дело не в том, что тот пожалел его. Просто ему было плевать.

Фу Гэ хотел, чтобы он рухнул с высоты в самую вонючую, самую мерзкую грязь. И чтобы даже после смерти каждый плевал на его могилу.

— Ты, блядь, о чём вообще сейчас?! — голос Чэнь Сина срывался, он тряс его за плечи так, что кости затрещали. — Ты точно ёбнулся, Ци Хань! Вернись в реальность, твою мать!

Ци Хань даже не повернул головы. Опустил ресницы, спрятал в глазах ледяную усталость и, не сказав больше ни слова, развернулся и зашагал прочь.

Его силуэт, высокий и напряжённый, тянулся вдоль тёмного коридора, свет фонарей лишь подчеркивал это одиночество. Спина была прямая, но в этом спокойствии сквозила какая-то неизбежность.

Ему было всего двадцать три.

Жизнь только начиналась, а уже подходила к концу.

И единственная мысль, что болью саднила внутри:

Я столько раз представлял себе свой финал... Но тот, который придумал для меня мой любимый, оказался хуже любого из них.